

Образ злого духа в цикле К.К. Случевского «Мефистофель»

Гаврилова Виктория Геннадьевна

Аспирантка Таганрогского государственного педагогического института, Таганрог,
Россия

Чем больше мы понимаем культуру, тем больше убеждаемся, что образы, созданные поэтом в конкретную эпоху, имеют свою историю. При этом «старые» образы приобретают иные смысловые оттенки. Таким «исстари завещанным образом» является образ Демона. В библейских источниках определение Демона дается неоднозначно. Современный исследователь отмечает «противоречивость, парадоксальность образования библейского понятия и соответствующего словоупотребления. По существу, мы имеем дело с принципиальным неразличением в Библии нечистых части и целого, что придает злу неотчетливо персонифицированный смысл и тем самым – грозный, всепроникающий характер: оно везде и нигде в особенности» [Зотов: 134].

Образ Демона является главным в цикле К.К. Случевского «Мефистофель». Естественно, что именно в лирическом цикле взаимодействие философии и поэзии представлено в наиболее отчетливых и совершенных формах. «Циклическая структура в лирике является многокомпонентным художественным образованием, материально-образным воспроизведением либо одного из основных, либо совокупности доминирующих в определенный период творчества поэта лейтмотивов и мотивных комплексов, в которых отражены его авторское лицо, концепция мира, специфика миропереживания» [Мирошникова: 27]. «Мефистофель» Случевского – это своего рода антология проблем, волновавших автора, попытка показать диалектическое единство добра и зла в мире социальном и космическом.

Цикл открывается стихотворением «Мефистофель в пространствах». Это – монолог Мефистофеля. Сатана здесь представлен как двуначальное существо, принадлежащее космосу и Земле. Стихотворение содержит типично романтическую черту – отрицание значимости Творца, но у Случевского оно принимает совершенно иную форму. Мефистофель осознает себя одним из начал мира, наряду с Богом-творцом и выше Иисуса-Спасителя, ибо спасение иллюзорно, а зло – фундаментально. Злой дух как бы замещает Христа. Так возникает своеобразный апокрифический мотив. Герой претендует на организующую роль в жизни человеческого и космического миров. Торжество Мефистофеля здесь – торжество космического масштаба. Пессимизм мироощущения конца века воплощается в словах злого духа («И я мир возлюбил той любовью, / Что купила его всем своим существом, <...> / А не только распятем и кровью»).

Но в последующих стихотворениях цикла мы видим, что Мефистофель олицетворяет человеческие пороки, а значит, он «соприроден» человеку. Случевский рисует необычайно пеструю картину социально-бытовых проявлений злого духа. Он проникает во все социальные слои общества, начиная с площадной толпы в стихотворении «Преступник» и заканчивая высшим светом в стихотворениях «Мефистофель, незримый на рауте» и «Мефистофель в своем музее». В стихотворении «Преступник» создается не индивидуальный портрет титанического злодея, а показано настроение толпы, стоящей в ожидании зрелища казни. Здесь представлен демонизм в той его форме, когда «злая ирония положительного действия» [Эпштейн: 163], совершаемого с чрезмерной силой, несет в себе семена разрушения: *Мефистофель радостно, истинно доволен. / Что два дела сделал он людям из приязни: / Человека скверного отпустил на волю, / А толпе дал зрелище всенародной казни.* Сатане с легкостью удастся проделывать свои темные дела в современном обществе и мире. Скептически настроенный поэт не видит «положительного» финала. Торжество Мефистофеля в данном случае – это торжество не только над толпой, правосудием, но и над всем общественным порядком в целом.

На протяжении всего цикла Случевский последовательно театрализует своего персонажа. Мефистофель Случевского – пляшущий и поющий. Уже в первом стихотворении цикла злой дух заявляет: *Да, в концерте творенья, что уши дерет, / <...> Я, конечно, первейшая скрипка...* Во втором стихотворении он поет колыбельную, в стихотворении «Шарманщик» он – поющий шарманщик. В девятом и десятом стихотворениях окончательно разоблачается мысль о персонификации зла в облике какой-либо потусторонней силы. Перед нами образ Сатаны, имеющего по происхождению человеческую, а не inferнальную природу. В последнем стихотворении Мефистофель выступает в роли кукольного поводыря: *Возвеличился профиль! Дернул нить Мефистофель / И кривлянью фигурки смеется...* Но это кривляние и театрализация образа не говорят о его снижении или упрощении. Напротив, Мефистофель торжествует. «Мефистофель» – это «философствование о формах существования зла и извечном противостоянии добра и зла в мире» [Ипполитова: 27].

Таким образом, в центр цикла «Мефистофель» помещен демонический персонаж, заимствованный из западноевропейской культурной традиции, но имеющий и свои особенные черты. Автор, по-видимому, создает образ Мефистофеля, исходя из принципов дуализма, где царство тьмы противостояло царству света на равных. Перед нами создание нового мифологизма. У Случевского зло имеет космический характер. Одновременно с этим Мефистофель «соприроден» человеку, происходит его театрализация, которая не снижает и не разоблачает образ злого духа, а напротив, показывает его зловещее торжество. Социально-бытовой и библейско-метафизический мотивы сочетаются, происходит углубление романтической позиции, диалектическое преодоление ее раздвоенности в духе возникающей новой эпистемологической ситуации начала XX века.

Литература

- Зотов С.Н. Художественное пространство-мир Лермонтова. Таганрог, 2001.
Ипполитова А.Ю. Случевский: философия, поэтика, интерпретация. СПб., 2006.
Мирошникова О.В. Анализ и интерпретация лирического цикла: «Мефистофель» К.К. Случевского. Омск, 2003.
Эпштейн М.М. Русская культура на распутье. Секуляризация, демонизм и переход от двоичной модели к троичной // Звезда. 1999. № 2.